

нительно. Однако наблюдается тенденция возникновения новых типов семей. Все больше распространение получают семьи с одним родителем и сожительство без официальной регистрации брака.

Литература

1. Виноградов, Г.С. Страна детей / Г.С. Виноградов. – СПб., 1998. – 537 с.
2. Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс. – М. : Едиториал УРСС, 2005. – 632 с.
3. Кронгауз, М.А. Язык. Культура. Познание / М.А. Кронгауз. – М. : Русские словари. 1996. – 416 с.
4. Кустова, Л.С. Тайна национального характера / Л.С. Кустова. – М. : ИКАР, 2003. – 164 с.
5. Mayntz, M. Definition of a Nuclear Family/ M. Mayntz // Lovetoknow [Electronic resource]. – 2011. – Mode of access: <http://family.lovetoknow.com/definition-nuclear-family>. – Date of acces: 24.08.2018.
6. Mayntz, M. Definitijn of Extended Families / M. Mayntz // Lovetoknow [Electronic resource]. – 2011. – Mode of access: [hppt://family.lovetoknow.com/about-family-values/definition-extended-families](http://family.lovetoknow.com/about-family-values/definition-extended-families). – Date of access: 24.08.2018.

УДК 81'271'276.6:070

ЭКСПЛИКАЦИЯ СУБЪЕКТА РЕЧИ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Казими́рова О́льга Влади́мировна

кандидат филологических наук,

доцент кафедры германской филологии учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

(г. Витебск, Беларусь)

Статья посвящена выявлению роли субъекта речи, выступающего в качестве текстотипологического ресурса в коммуникативных процессах массмедиа. Обсуждается вопрос об имеющихся терминологических модификациях исследуемой категории, которые, в сущности, обозначают реального инициатора текста. Особое внимание уделяется многообразию ролей, выполняемых автором медийного текста, репрезентирующих определенную прагматическую нагрузку. В результате проведенного анализа выявлено, что субъект речи служит основополагающим системообразующим параметром, обуславливающим порождение различных концепций медийного текста и его жанрово-стилистическую специфику.

Ключевые слова: автор, субъект речи, авторизация, адресат, медиатекст, текстовая категория, системообразующий фактор.

The article is devoted to the addresser's role identification, acting as a text-typological resource in communicative processes of mass media. The issue of the existent terminological

modifications of the analyzed category, which essentially denote the real initiator of the text, is discussed. Special attention is paid to the diversity of the author's roles in a media text, representing a certain pragmatic burden. The analysis revealed that the addresser serves as a fundamental system-forming parameter, which causes the origination of various media text concepts, its genre and stylistic specificity.

Keywords: author, addresser, authorization, addressee, media text, text category, system-creating factor.

Важнейшая роль в коммуникативных процессах современных массмедиа принадлежит категории субъекта речи, позволяющей рассматривать текст как открытую динамическую систему. Именно автор как главная фигура медиакоммуникации и выразитель индивидуальной позиции определяет специфику медиатекста – интерпретирует события, воздействует на сознание адресата и моделирует его ценностную картину мира.

В связи с многоаспектностью и неоднозначностью исследуемой категории в медийном дискурсе возникает проблема ее терминологического обозначения. Так, в научной литературе представлены различные дефиниции пишущего субъекта, а именно, авторское «я» (М.И. Старуш), публицистическое «я» (Г.Я. Солганик), «языковая личность автора» (Ю.Н. Кураулов), «внутри-текстовый» автор (Э.В. Чепкина), «автор» (Е.Г. Фомичева), «позиция автора» (Л.Г. Кайда), «фигура говорящего» (Т.Г. Винокур, М.А. Кормилицина), «авторское начало» (О.Н. Копытов) и др. Мы принимаем точку зрения об онтологической близости и генетической связи данных понятий, так как в действительности указанные вариации являются обозначением одного и того же феномена – реального производителя речи (инициатора текста).

Необходимо отметить, что значительный вклад в разработку концепции автора внесла М.Н. Кожина, которая выделяет категорию авторизации (субъекта, субъектности), рассматриваемую в качестве одной из функциональных семантико-стилистических категорий исходя из идеи отражения текстом определенного вида деятельности и соответствующей ситуации познания (позднее – субтекстов). В рамках категориально-стилистического подхода М.Н. Кожина предлагает выход «в широкий контекст, в реальность речевой действительности, в действительную коммуникацию» [3, с. 14], с опорой на коммуникативную цель как организующий принцип совокупности использованных средств [3, с. 22]. При этом текстовая категория, во-первых, воплощает в себе отдельную семантическую линию текста, реализованную совокупностью средств, которые составляют внутритекстовую целостность [4, с. 534]. Во-вторых, она воссоздает один из компонентов коммуникативного акта, в числе которых особый статус приобретает субъект речи, т. е. автор текста в целом, его эмоционально-психологический настрой, оценочная точка зрения и др. С учетом названных позиций авторизация предстает как содержательная

категория, направленная на адресата, и получает функционально-стилевую интерпретацию.

Исследователь Е.А. Баженова, развивая теорию М.Н. Кожинной, связывает вербализацию авторизации в тексте с рефлексивным началом познавательной деятельности: будучи одним из субтекстов, она служит средством речевого воплощения характерной личностно-психологической авторефлексии, совокупностью средств репрезентации авторского «я». Textoобразующий потенциал авторизации состоит в его умении образовывать модальную рамку для понятий и умозаключений. Так, за любой авторизационной конструкцией стоит комплекс мыслительных операций говорящего, составляющий основу его текстотворческой деятельности, а также его личностные отличительные свойства. Следовательно, познавательная деятельность адресанта приобретает одновременно коммуникативно-познавательный, рефлексивный и прагматический характер. Е.А. Баженова констатирует, что текст реализует свою коммуникативную задачу лишь в том случае, если хранящаяся в нем интеллектуальная информация адекватно постигается читателем [1, с. 30]. Поэтому автор, ориентируясь на определенный уровень подготовленности вероятного интерпретатора, стремится в той или иной мере предвидеть его возможные реакции и сопоставляет свой замысел с формой его экспликации в тексте.

Позднее С.В. Гричин делает обобщающие выводы относительно авторизации – она выступает в качестве обязательной категории, основанной на разделении имплицитно/эксплицитного выражения, структурно представленная разнообразным языковым инструментарием, обладающая набором стиливых когнитивно-дискурсивных и текстовых характеристик – прагматических установок и маркированных когнитивных операций [2, с. 13–22].

Следует подчеркнуть, что современные тенденции трансформации медиатекста, которые воплощают в себе различные разнородные компоненты (вербальные, визуальные и др.) и высокие технические возможности, влекут за собой *обогащение* концепта субъекта речи за счет привлечения целого ряда дополнительных экстралингвистических факторов.

Наблюдения над эмпирическим материалом (объектом исследования послужили 50 англоязычных медиатекстов, отобранных из цифровых журналов ‘The New Yorker’, ‘Time’, ‘The Spectator’, ‘Harper’s Magazine’ и др.) показывают, что список ролей, в которых выступает субъект речи, исходя из собственного, авторского выбора и интересов, заметно расширяется: это и *автор-полемист*, вступающий в обсуждение спорного вопроса; и *автор-аналитик*, рассуждающий о каком-либо актуальном событии; и *автор-выразитель мнения* (в этой функции чаще выступают колумнисты); и *автор-пропагандист* (агитатор), побуждающий к совершению определенных действий; и *автор-исследователь*, который указывает на проблему, изучает ее

и делает выводы; и *автор-повествователь*, рассказывающий сквозь призму субъективного опыта о событиях прошлого или настоящего; и *автор-иронист*, который насмешливо (тонко/скрыто) высмеивает явления действительности и др.

Тем не менее, вышеуказанные типы субъекта речи редко встречаются в чистом виде. В рамках одного медиатекста автор может видоизменяться, выступая и как участник событий, и как аналитик, выразитель мнения. При этом выявить различия подобного авторского «разнообразия» возможно через призму совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов.

Таким образом, между крайними полюсами субъекта речи как человека социального, с одной стороны, и человека частного, с другой стороны, располагается множество переходных случаев. Популярность данного явления обусловлена желанием автора выделить собственное «я», создать субъективное пространство и интегрировать себя в коммуникативное общество.

Подводя итог, необходимо констатировать, что субъект речи, организуемый по принципу его целевого назначения в конкретной речевой разновидности, приобретает статус системообразующего фактора, поскольку все проявления автора обеспечивают целостность и предметно-смысловую завершенность медиатекста, а также позволяют выявить его жанровую сущность.

Литература

1. Баженова, Е.А. Научный текст в дискурсивно-стилистическом аспекте [Текст] / Е.А. Баженова // Вестн. Перм. ун-та. – 2009. – Вып. 5. – С. 24–32.
2. Гричин, С.В. Многоаспектный анализ авторизации в научном дискурсе [Текст] / С.В. Гричин // Вестн. Перм. ун-та. – 2015. – Вып. 3 (31). – С. 13–22.
3. Кожина, М.Н. О функциональных семантико-стилистических категориях в аспекте коммуникативной теории языка [Текст] / М.Н. Кожина // Разновидности и жанры научной прозы: Лингвостилистические особенности : сб. науч. тр. / редкол.: Л.И. Зильберман, Е.С. Троянская, М.Я. Цвиллинг (отв. ред.). – М., 1989. – С. 3–27.
4. Кожина, М.Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка [Текст] / М.Н. Кожина; под ред. М.Н. Кожинной; редкол.: Е.А. Баженова, М.П. Котгорова, А.П. Сковородников. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта: Наука, 2006. – 696 с.